

К. С. Худин

Институт всеобщей истории РАН — РГАДА, Москва

**ЛЕЧЕНИЕ КОРНЕМ «ЗАЯЧЬЕ КОПЫТО»
БОЯРИНА Б. И. МОРОЗОВА (1661 Г.)**

В начале октября 1661 г. в Аптекарский приказ был доставлен корень растения «заячье копыто» [Новомбергский 1905: 12]. Осмотр растения производили врачи Андрей Энгельгардт, Самуил Коллинс и Лев Личифинус, служившие в этом ведомстве — такого рода занятия входили в их компетенцию. Необходимость осмотра возникла в связи с тяжелой болезнью боярина Бориса Ивановича Морозова (1590–1661) — близкого родственника царя Алексея Михайловича. Впоследствии выяснилось, что один из его «людей», Федор Белозерцев, пытался лечить боярина вопреки сложившейся практике применения западно-европейской медицины.

9 октября 1661 г. «доктора и аптекари и лекари» вынесли суждение, что корень, который «именуется латинским языком Красула или Фабария или Телефиум», для лечения людей «принимать не годится, потому что во всех книгах травниках не написано что тот корень и траву людям принимать» [РГАДА. Ф.396. Оп. 1. Д. 51878. Л. 30]. *Sedum Telephium* — фармацевтическое название растения *Telephium s. Crassula major s. Fabaria s* [Анненков (сост.) 1878: 324]. В настоящее время *Telephium* и *Fabaria* относят к двум разным видам одного рода очиток *Sedum* L. семейства толстянковых (*Crassulaceae*), который во многих русских диалектах носит название *заячья капуста* [Анненков (сост.) 1878: 324; Флора 1939: 34]. Элементом «капуста» растение, скорее всего, обязано своим сочным листьям. Примечательно употребление слово *копыто* применительно к зайцу. В названиях других растений мы также встречаем это слово [СлРЯ 7: 300]: *львово копыто* [ОПИ ГИМ, Увар., № 387. (Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина [Булева]), *коневье копыто*. Слово *копыто* могло свидетельствовать о размере корня: «ревень корень толст как лошадиные копыта» [ОР РНБ. Q.IX. 52. (Торговая книга XVI в.)]. «Корни с веретенообразными клубнями» [Сырейщиков

1907: 213] могли напоминать заячьи лапки. С другой стороны, *копытчатый ремень* означал неочищенный корень [СГГД 1826: 28].

Врачи, осматривавшие корень, также утверждали, что «того корени траву кладут в мазь попилемову». Вероятно, имелось в виду «попилемово масло»¹ (масло и мазь зачастую употреблялись как синонимы; см. [СлРЯ 17: 84]). К тополиным почкам добавлялось от 1 [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1336] до 6 [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 83] кружек кинарей². Иногда кинарею добавляли вместе с романеей³ в пропорции 2 на 2 кружки [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 36] или с романеей в пропорции 6 на 6 кружек [Там же. Оп. 2. Д. 65]. Сложно сказать, насколько оправдан был вердикт врачей, однако по другим документам Аптекарского приказа нам известно, что «попилемово масло» использовалось для лечения государевых лошадей [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 65]. При этом из источников мы также знаем, что эта мазь в числе других отпускалась «для лечбы ⟨...⟩ ратных людей» [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 363, 368] во время Русско-польской войны 1656–1660 гг.

Вышеупомянутые доктора выписывали Морозову рецепты как минимум с 3 сентября 1661 г., хотя мы не можем утверждать, что этого не происходило ранее. Дело в том, что подобные приказные книги, в которых записывались рецепты, велись всегда с начала года, а потому начинались сентябрем. Препараты, указанные в этих рецептах, представляли собой смеси различных мазей и масел.

В тот же день, когда осматривали корень — т. е. 9 октября, — был допрошен тяглец Хамовной слободы Федька Белозерцев, который этот корень «давал ⟨...⟩ принимать, топя в молоке», боярину. Федька отвечал, что этот корень был прислан ему из Новгорода «для ради образца и с травую», чтобы отыскать такой же «в Московском уезде». По новгородскому образцу был найден корень «в боярской вотчине на ржиках». Последнее слово, вероятнее всего, обозначает «поле, с которого убрана рожь» [СлРЯ 22:

---

¹ Значение неизвестно [СлРЯ 17: 84].

² *Кенарей* (*кенария*) ‘название вина (по первоначальному месту производства — Канарским островам)’ [СлРЯ 7: 313].

³ *Романей* ‘высококачественное виноградное вино западноевропейского производства’ (ср. фр. *Romanée* от названия местности Romanée) [СлРЯ 22: 212].

160, СлЦСРЯ 4: 64]. Дело в том, что очиток (*Sedum*) «растет преимущественно на песчаных, иногда солонцеватых почвах, в сосновых лесах; как сорное на полях; в лесах среди кустарников» [Флора 1939: 56]. В «Отчете об экскурсиях по Новоладожскому уезду, произведенных по поручению С.-Петербургского Общества естествоиспытателей в лето 1871 года», написанном И. Шмальгаузенем, приводятся данные о произрастании растений семейства Толстянковых (*Crassulaceae*) на берегах р. Волхов: «*Sedum acre* L. На сухих песчанистых местах и каменистоизвестковых берегах Волхова и Сяси обыкновенно и обильно. Цвело 24 июня. *Telephium* Tausch. На крутом берегу Волхова около порогов очень обильно. Цвело в начале августа. — *Fabaria* Koch. Довольно обыкновенно на пашнях и в кустарниках. Близ Старой Ладого, деревни Вельсы, близ Хвалова, Колчанова. Цвело в последних числах июля и в начале августа» [Шмальгаузен 1872: 131]. У Б. И. Морозова в Московском уезде было не так много земель, в отличие от других, южных уездов. Вероятнее всего, это село Котельники.

Корень прислала Федькина мать — Марьица. Она сама принимала этот корень, «топя в молоке», от той же «мокротной болезни», что была у боярина, после чего «исцелела и жила лет с двадцать». О свойствах этого растения Марьица узнала от «вдовой попадьи», имени которой Федька вспомнить не мог. В подтверждение своих слов он сам принимал этот корень в молоке, и даже «сырой ел», и «худа никакого [ему] не учинивалось», и «тот корень и траву [он был] готов есть хоть три или пять дней».

Федька, однако, когда «велел принимать боярину Борису Ивановичу» этот корень, то сразу предупредил его, «что от того корени будет тяжело, тоска и жар» и «велел ⟨...⟩ принимать уведывая свой нрав, чтоб того кореня принимать не через силу». На это, со слов Федьки, боярин ему ответил, «что де я положился на волю Божию и стану-ж принимать как меня Бог наставит». Последняя фраза свидетельствует о том, что в вопросе лечения Борис Иванович был настроен весьма решительно. Видимо, об этой же решительности свидетельствует обращение к народной медицине, а не к официальной, европейской, которая полагалась ему по статусу.

Еще одна, непримечательная на первый взгляд, деталь, по нашему мнению, может многое сказать о самочувствии Морозова

в этот период. В записях рецептов для боярина от 23, 24, 27, 28 и 30 сентября и 4 октября [Новомбергский 1905: 2–4] из цитированного выше источника можно прочесть: «и тот состав взял боярин Илья Данилович Милославской и отнес вверх к Государю», а также «взял к Государю в хоромы». По всей вероятности, состояние Морозова было крайне тяжелым, и он находился в царских палатах.

Многое в поведении боярина станет понятным, если мы обратим внимание на дату, когда происходил осмотр корня и допрос Федыки. Это начало октября, однако не 1662, как значится в публикации, а 1661 г. Здесь, вероятно, имеет место неправильный перевод даты, при котором из 7170 г. (от сотворения мира) автоматически вычли не 5509 (положенные для периода сентябрь-декабрь), а 5508. В результате документ был датирован годом позже. При этом в описи XIX в. источник датирован корректно [Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 1].

Датировать его 1662 г. совершенно невозможно, т. к. в это время Б. И. Морозова уже не было в живых. Согласно барону А. Майербергу, приехавшему в Москву в составе императорского посольства 25 мая 1661 г. [Путешествие в Московию... 1874: 52], боярин умер 11 ноября 1661 г., его болезнь протекала на глазах дипломата: «страдания от подагры и водяной болезни привязали его к постеле и удалили от военной службы... еще в бытность мою в Москве, он лишился голоса, движения и всех чувств *от употребления какого-то настоя, прописанного ему одним деревенским знахарем*, с трудом опамятовался только через три дня и, после долгой борьбы с смертью на последнем для него поприще состязаний, 11-го Ноября, отдал Богу душу» [Путешествие в Московию... 1874: 114; Петрикеев 1947: 61]. Последний рецепт для Бориса Ивановича Морозова, выписанный врачами, датируется 4 ноября 1661 г.

Следовательно, перед нами описание событий, которые происходили за месяц до смерти царского шурина. В этом свете фраза «я положился на волю Божию», обретает новые, весьма печальные краски.

Таким образом, в обнаруженном документе столкнулись представления русской народной и «официальной» европейской медицины, что говорит о сосуществовании двух разных культурных кодов.

Но почему же Б. И. Морозов так долго не обращался к услугам придворной медицины? Речь идет о событиях второй половины XVII в., когда связи с Европой были уже весьма устойчивыми.

Примечательно, что до книги 1661 г. рецепты как массовый источник не прослеживаются. Не считая значительного корпуса рецептов, прописанных королевичу Вольдемару и его свите в 1644–1645 гг. [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 208–212], фактически, рецепты для Морозова — это первые известные нам рецепты. Ранее мы обнаруживаем лишь косвенные упоминания различных ингредиентов в хозяйственной документации Аптекарского приказа и упоминания о том, что то или иное лекарственное средство взято «про Государев обиход».

Справедливости ради, стоит отметить все же, что к тому же сентябрю 1661 г. относится один рецепт для боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукова, а к концу ноября — еще 4 рецепта для Ильи Даниловича Милославского, а также по одному рецепту для стрельца Кирюшки Федорова и полковника Ф. Т. Зыкова, против 18 рецептов для Б. И. Морозова. Между тем, после 1663 г. количество рецептов начинает возрастать волнообразно: 1663 г. — 4 ед. хр.; 1664 г. — 4 ед. хр.; 1665 г. — 8 ед. хр.; 1666 г. — 10 ед. хр.; 1667 г. — 37 ед. хр.; 1669 г. — 4 ед. хр.; 1670 г. — 3 ед. хр. «Европейской» медициной, помимо царя и его семьи, активно пользуются как представители знати — Ртищевы, Милославские, Одоевские, Долгорукие, Черкасские, Стрешневы, вдова Б. И. Морозова Анна Ильинична, — так и представители непривилегированных слоев русского общества: сокольник, певчий дьяк, стрелецкий голова. В числе пациентов значатся также лица духовного сословия: протопоп Архангельского собора и Газский митрополит Паисий Лигарид [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 798] и архимандрит Дионисий из его свиты.

Несмотря на то, что в наших руках нет прямых доказательств, и эта проблема еще нуждается в отдельном, дополнительном исследовании — не можем ли мы утверждать, что именно смерть Морозова — как мы видим из записок Майерберга, смерть весьма резонансная — послужила толчком к активному обращению различных слоев русского общества к европейской медицине?

Один из главных вопросов — почему же боярин так доверял именно Белозерцеву? Что его с ним связывало? По данным Л. А. Тимошиной⁴, Федька Белозерцев по окладному списку июля 1632 г. (со ссылкой на более ранний окладной список 1630/31 г.) уже числился торговым человеком гостиной сотни, и в таком качестве между 28 сентября 1645 г. и 9 января 1646 г. подписал челобитную представителей купеческих корпораций на иностранных купцов, торгующих в России [Привилегированное купечество 2004: 118, 167]. Его сыновья Борис и Юрий Федоровичи Белозерцевы торговали книгами в Овощном ряду, центре книжной торговли на московском торгу: согласно приходной книге приказа Книгопечатного дела 1649/50 — 1652/53 гг., они закупили для продажи 12 комплектов Миней месячных, 3 Книги о вере, 15 Сборников, 10 Прологов, 6 книг Ефрема Сирина и др., а для собственных нужд — Соборное уложение [Тимошина 2006: 276, 278, 283, 295, 298, 242; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Кн. 47. Л. 343об., 110об., 125–125об., 133об., 150, 199, 210–210об].

По мнению Л. А. Тимошиной, высказанному ею в личной беседе, связь боярского рода с семьей Белозерцевых становится более понятной, если мы примем во внимание тот факт, что братья Глеб и Борис Морозовы постоянно покупали книги. К тому же, на ее взгляд, эпизод «с кореньем» характеризует Федьку Белозерцева как многостороннюю личность и высвечивает «связи между различными слоями русского общества — высшим, боярством, и более низкими, дворцовыми ремесленниками и крупным купечеством» [Привилегированное купечество 2004: 118, 167].

Таким образом, эпизод с лечением боярина поднимает сразу несколько важных тем. Во-первых, мы видим сосуществование так называемой официальной (европейской) медицины и различных народных знахарских приемов и взаимодействие этих различных по происхождению медицинских практик. Во-вторых, перед нами возникают скрытые при поверхностном рассмотрении тесные связи между различными слоями российского общества:

---

⁴ Выражаю особую признательность Людмиле Алексеевне Тимошиной за внимательные комментарии к моему тексту и за ценные сведения о семье Белозерцевых, которыми она поделилась со мной.

боярством, купечеством, крестьянством, служилыми иноземцами. Безусловно, подобные микроисторические сюжеты, связанные с историей повседневности, нуждаются в тщательном изучении и разработке, и, без сомнения, заслуживают более пристального внимания со стороны научного сообщества как открывающие новые перспективы исследования.

Список условных сокращений

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея; ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

- Новомбергский 1905 — Н. И. Новомбергский. Материалы по истории медицины в России. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1905.
- Петрикеев 1947 — Д. И. Петрикеев. Земельные владения боярина Б. И. Морозова // Исторические записки 21, 1947. С. 51–104.
- Путешествие в Московию... 1874 — Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, посланца Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М.: Университетская Типография, 1874.
- Тимошина 2006 — Л. А. Тимошина. Приходная книга приказа Книжного печатного дела 1649/50 — 1652/53 гг. // С. Н. Кистерев (ред.). Очерки феодальной России. Вып. 10. М.: Альянс-Архео, 2006. С. 178–313.
- Шмальгаузен 1872 — И. Шмальгаузен. Отчет об экскурсиях по Новоладожскому уезду, произведенных по поручению С.-Петербургского Общества естествоиспытателей в лето 1871 года // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 3. СПб.: Типография В. Демакова, 1872. С. 86–164.

Источники

- Анненков (сост.) 1878 — Н. И. Анненков (сост.). Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Новое испр., пополн. и расшир. изд. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878.

- Привилегированное купечество 2004 — Т. Б. Соловьева (отв. сост.), Т. А. Лаптева (сост.). Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: Сб. док. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2004.
- СГГД 1826 — А. [Ф.] Малиновский (ред.). Собрание Государственных Грамот и Договоров. Т. 4. М.: Тип. Селивановского, 1826.
- СлРЯ — Ф. П. Филин, Г. А. Богатова (ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–... (продолжающееся издание).
- СлЦСРЯ — И. И. Срезневский (ред.). Словарь церковно-славянского и русского языка. В 4 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1847.
- Сырейщиков 1907 — Д. П. Сырейщиков. Иллюстрированная флора Московской губернии. Т. 2. М.: Кн. маг. торг. д. Лахтин, Сырейщиков и Ко., 1907.
- Флора 1939 — В. Л. Комаров (гл. ред.), С. В. Юзепчук (ред. тома), А. Г. Борисова и др. (сост.). Флора СССР. Т. 9. М.: Издательство АН, 1939.